

18+

Владислав Чернов

ДОРОГА К ЦЕЛИ «А»

Владислав Львович Чернов

Дорога к цели «А»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49602872

ISBN 9785449801906

Аннотация

«Прямо пойдешь – сгинешь, направо – коня потеряешь, налево – утетишься». Такой выбор предстоит сделать герою повести, оказавшемуся на распутье. Но избрать верную дорогу и достичь заветной цели не так просто. Ведь в мире, где все роли расписаны и все сюжеты известны, чужакам места нет. Да и идеалы, которые проповедуют тамошние мудрецы, оказываются не вполне надежными ориентирами. В погоне за вечно ускользающей целью он попадает в ситуации, знакомые тем, кто задумывается о своем будущем.

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дорога к цели «А»

Владислав Львович Чернов

Памяти моего отца посвящается.

Редактор Ольга Рыбина

Корректор Алекс Остапенко

© Владислав Львович Чернов, 2020

ISBN 978-5-4498-0190-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1

Когда я понял, что окончательно заблудился, косые лучи солнца золотили верхушки лишь самых высоких деревьев. В лесу становилось холодно и темно. Вылазка за грибами явно не удалась, и не только потому, что полиэтиленовый пакет, который заменял мне лукошко, был почти пуст. Сбежав из города, я надеялся хоть на один день спрятаться от преследовавших меня неурядиц, а вместо этого вновь оказался свергнут в привычное состояние изнуряющей суеты. «Пропади все пропадом», – бормотал я себе под нос, озираясь по сторонам в поисках тропинки или просеки.

Проплутав еще с полчаса среди мрачных осин и развесистых елей, я бросился бежать, стараясь не отклоняться от направления на запад, на заходящее солнце. У края заросшего оврага я сбросил свой рюкзак и повалился рядом, с трудом переводя дыхание. Подступало отчаяние. Стало ясно, что ощущение, будто впереди лес редееет – это обман.

Отдышавшись, я поднялся во весь рост и напряженно замер в надежде услышать гудок далекого поезда или шум работающего трактора, однако в ушах звучал лишь тяжелый прибой необъятного моря увядающей листвы. Вдруг в этом суровом рокоте я отчетливо различил невнятное бормотание. Подхватив рюкзак, я двинулся навстречу странным звукам, раздвинул колючие кусты и увидел – тропу! Посреди

нее в опавших листьях лежал желто-бурый шар размером с футбольный мяч. Я подошел к нему и поддел ногой. Носок резинового сапога углубился во что-то мягкое. Раздался пронзительный вопль, шар отскочил примерно на метр, качнулся, сорвался с места, метнулся к оврагу и полетел по крутому склону вниз. Он достиг дна, но, к моему изумлению, не застрял в густом валежнике, а, издавая захлебывающиеся нечленораздельные звуки, рванул вверх по склону противоположному, поросшему огромными папоротниками.

Нелепое верещание уже стало неразличимым в шуме листвы, а я все стоял и пытался понять, что же произошло. Убедившись, что объяснить случившееся невозможно, я стряхнул с себя оцепенение, выбросил дурацкий шар из головы и вскоре уже бодро шагал по тропе, вооружившись на всякий случай увесистой палкой.

Километра через полтора впереди обозначился просвет, деревья расступились, и передо мной распахнулась широкая опушка, пересеченная длинными полосами вечернего тумана. Посреди опушки стояла изба, к которой примыкал огород, обнесенный двумя рядами жердей. В глубине огорода виднелся амбар.

Лишь только я вышел из леса, как от крыльца кинулась мохнатая собачонка, захлебываясь истерическим лаем. Палка в моей руке заставила ее остановиться на весьма почтительном расстоянии, и это привело ее в еще большее негодование. Собачьи страсти охладил окрик с крыльца:

– А ну, Жучка, цыть, сучье отродье!

В дверях стоял экзотического вида старик – плешивый, с длинной белой бородой, в рубахе навывпуск, в онучах и лаптях. Подслеповатыми глазами он старательно пытался разглядеть меня в сумерках. Я прибавил шагу и еще издалека крикнул:

– Добрый вечер!

– Здравствуй, мил-человек, – ответил он с любопытством и опаской. – Куда путь держишь?

– Да вот, ходил за грибами и заблудился.

– Заблудился? – засомневался старик. – А где ж твои грибы?

Я открыл перед ним пакет, на дне которого лежали три сыроежки и букетик опят.

– Да-а, не густо, – протянул дед. – Столько грибов у меня и в огороде сыщется.

– Плохой из меня грибник, – признался я. – Не скажете, далеко ли отсюда до станции?

– Ась? – не понял старик.

– Я спрашиваю, далеко ли железная дорога?

Дед почесал в затылке, посмотрел мне в глаза, лукаво улыбнулся и пошутил:

– А деревянной тебе не надобно?

– Нет, дедушка, мне б железную.

– Ну, так до железной далече, видать, идти тебе придется. Здесь одна дорога – по коей ты сюда притопал.

«Надо было идти в другую сторону, – мелькнуло в голове. – Старик какой-то бестолковый...». Я заторопился в обратный путь и стал прощаться.

– Куда ж ты, мил-человек, на ночь глядя-то пойдешь? В лес, что ли? Так ведь леший попутает, волки съедят.

– Лучше волки, чем начальство. Завтра на работу поспеть надо.

– А, ну-ну... – протянул старик, – ступай себе, коли надо. Я повернулся к лесу и поразился, как быстро стемнело. Деревья стояли сплошной черной стеной. Потянуло сыростью и гнилью. Часы показывали восемь, последняя электричка – в десять. Успею, решил я.

Когда я подходил к лесу, он казался мертвым, но стоило углубиться в него на десяток шагов, как почувствовалось присутствие тысяч невидимых существ. Они шарахались в разные стороны из-под ног, шуршали в траве, таились за гнилыми пнями, бились в ветвях высоко над головой, обрывались с деревьев и тяжело падали на землю; они кралась за мной, а когда я резко останавливался – тоже замирали. Я не выдержал и побежал. Существа вокруг засуетились, заматались. Тропы уже почти не было видно, но какое-то новое чутье безошибочно подсказывало дорогу – «Домой, домой, скорее домой!».

Тяжелый набат этой повелительной мысли, гудевший в моем мозгу, внезапно прервал удар сапога обо что-то твердое. Я споткнулся, упал, тут же поднялся, сделал несколько

шагов и остановился как вкопанный. Прямо на меня, в упор, не мигая, смотрели две пары ярко-желтых глаз. Наступила мертвая тишина, в которой эхом отдавались гулкие удары сердца.

Я сделал шаг назад. Тут же четыре желтых огонька пришли в движение и, слегка покачиваясь, стали медленно приближаться. По низу, по сырой траве прокатилось глухое рычание. Я отступил еще на шаг и прижался спиной к широкому стволу дерева. Руки скользнули в карманы плаща, нащупали перочинный нож и газовую зажигалку. Вдруг пара светящихся глаз прижалась к земле – зверь изготовился к прыжку. Медлить было нельзя. Сдвинув регулятор высоты пламени до отказа вправо, я высек искру. Кромешную темноту леса с шипением прорезал узкий и длинный луч голубого огня. В другой руке блеснуло лезвие ножа. Я громко вскрикнул и сделал короткое движение вперед. Зверь метнулся в сторону, вторая пара глаз потухла. Но они не ушли. Я чувствовал их присутствие в десятке метров за кустами и понимал, что они ждут, когда я отойду от ствола и покажу им спину.

Я попытался осмотреться, но пламя забивало своим светом все на расстоянии полутора метров.

«Влезть на дерево!». Я ощупал ствол за спиной, поднял свой светильник над головой и посмотрел вверх – высокая береза без единого сучка. В зажигалке что-то плюнуло, и пламя стало медленно укорачиваться – кончался газ. Нужно было действовать, но голубое свечение загипнотизирова-

ло мою волю и парализовало мозг. Я беспомощно смотрел на слабеющее пламя и ждал, что будет, когда оно погаснет.

В чувство меня привел ледяной вой, повторенный через секунду где-то вдалеке. Я стал лихорадочно полосовать ствол дерева перочинным ножом и сдирать бересту. Вскоре под ногами с сухим треском горел маленький костер. Огонь медленно, но верно набирал силу.

* * *

Из леса я вышел уже ночью, держа в руке тлеющую головню. Усталость валила с ног, нервное напряжение отдавалось мелкой дрожью в руках и коленях. Впереди угадывались очертания знакомой избы. Хозяева еще не спали – в окне тускло мерцал красноватый свет. Когда я отбросил головню и ступил на крыльцо, в сенях залаяла собака, и не было для меня в тот миг звуков приятней.

За дверью что-то грохнуло, и старик срывающимся от страха голосом отважно прокричал:

– Кто тут шастает по ночам?! Говори, не то собаку спущу!

– Это я, дедушка, – залепетал я. – Ну, который заблудился... с грибами... Извините, что беспокою так поздно, но у вас тут и правда волки.

Ответа не последовало. В сенях опять что-то грохнуло, и наступила тишина. Я испугался, что дед не откроет, но через некоторое время сквозь щель под дверью пробились мер-

цающие блики, скрипнули петли, и наружу высунулась седая борода, озаренная пламенем свечи.

– Что-о, напужался? – ехидно пропел старик. – А я ить сказывал – не ходи в лес на ночь гляючи. Ну что ж с тобой делать? Коль пришел – пожалуй в избу.

Он широко распахнул дверь, отпихнул ногой собаку и пропустил меня в сени, где пахло рыбой и сушеными травами. При свете свечи я заметил сваленную в углу сеть, бочку с водой, два деревянных ведерка, коромысло и деревянное же корыто. Старик открыл дверь в комнату, и я переступил через порог.

Небольшое помещение с низким закопченным потолком и бревенчатыми стенами освещалось коптилкой, стоявшей на столе. Слева помещалась печь, с которой с любопытством смотрело заспанное детское личико. Оттуда же свешивалась наглая кошачья физиономия. За печью тянулась широкая лавка, на которой сидела маленькая сухонькая старушка, держа на коленях огромную медвежью лапу с черными загнутыми когтями. Длиннозубым гребнем она старательно вычесывала шерсть, пучки которой складывала в берестяной короб. Я поздоровался – старушка приветливо кивнула головой. Дед взял у меня рюкзак, помог стянуть плащ и усадил за стол.

– Вы меня, пожалуйста, извините за вторжение, но я никак не предполагал, что здесь действительно водятся волки. Мне казалось, что их всех давно перебили, – проговорил я.

– Что ты, мил-человек, – ответил дед, – какой там перебили! Ходют и ходют, родимые, аж к самой избе подступают. Спасу от них нету. Прошлым летом у бабки козла задрали. Чуток отошел от огорода – козел-то – они на него и налетели. Одни рожки да ножки остались.

– А какой козел-то был замечательный. Золото – а не козел, – подала голос старушка. – Уж как я его любила, как ублажала, болезного...

– Ладно по скотине-то убиваться, – прервал бабкины причитания старик. – Тут человек, небось, голодом мучится, а ты его прошлогодним козлом потчуеть. Мечи, давай, на стол!

– Да что метать-то? – всплеснула руками старуха. – Аль запамятовал, что ужина у нас нынче нету?

– И вправду, ужин у нас того... Поставили на окно студиться, да, видать, кто-то упер.

– Не беспокойтесь, ради бога, – поспешил я вмешаться. – У меня кое-что есть, вполне хватит.

– Ну, нет, – запротестовал дед. – Ты, мил-человек, гость, а гостей следует потчевать. А свои харчи оставь при себе. Может, они тебе еще и сгодятся. Бабка! Давай, что бог послал!

Старуха отложила медвежью лапу, стряхнула с подола шерсть и вышла в сени.

– У вас тут что – заповедник? – поинтересовался я, поглядывая на звериные когти.

– Ась? – не понял старик.

– Я говорю, зверей у вас тут много...

– Да-а, зверья и всякой нечисти пропасть сколько, – ответил дед, присев к столу и огладив бороду.

– Что – и медведи тоже есть?

– А как же! Вона моя добыча, – он кивнул в сторону лапы и горделиво приосанился. – Теперича отпрыгался, ясный сокол. Будет наперед знать, как за моими курами шастать.

«На какой это „перед“? – подумал я. – И что это за глушь такая в ста километрах от города, о которой я никогда ничего не слышал?». Я было хотел расспросить об этом старика, но вошла бабка с глиняной кринкой и низкой вяленой рыбы.

– На, батюшка, выпей кваску с дороги, – поклонилась она с порога. – А ты, старый, ступай-ка на огород да в амбар загляни – авось, чем и разживешься.

Я с благодарностью приложился к кринке и осушил ее залпом. Кислый острый напиток окончательно привел меня в чувства и пробудил зверский голод. Вскоре на столе рядом с рыбой появились нарезанная кусками сырая репа, миска с холодной кашей и блюдец с солеными грибами. Я с тоской подумал о колбасе, лежавшей в моем рюкзаке, но предложить не решился, боясь обидеть хозяев.

Старуха, кончив накрывать на стол, снова отвесила поклон и со словами: «Не серчай, батюшка, что нечем больше угостить», – вернулась на лавку вычесывать шерсть. Дед занял свое место, окинул взглядом нехитрую снедь, вздох-

нул... Наступило неловкое молчание. Было слышно, как в углу скребется мышь.

– Отведай вот, мил-человек, наших грибочков, – спохватился старик. – Внучка собирала.

– Спасибо, дедушка, все очень вкусно, – заранее заверил я его и подцепил деревянной ложкой скользкую шляпку гриба. Тут светлая мысль пришла мне в голову. Извинившись, я встал из-за стола, подошел к рюкзаку и достал четвертинку водки, купленную накануне на всякий случай.

– Мне нечем вас отблагодарить за хлеб-соль, – обратился я к деду, – так, может, вы не откажетесь со мной немножко выпить?

Лицо старика оживилось.

– Отчего же не выпить с добрым человеком? Это мы всегда, с превеликим удовольствием, – ответил он, потирая руки и поглядывая через плечо на старуху. Та укоризненно покачала головой, но промолчала. Дед принес две стопки, мы выпили за наше здоровье, и я с легкой душой навалился на кашу.

Когда мы выпили по второй, старик крякнул, закусил репой и, утерев ладонью рот, задал вопрос, которого я давно ждал:

– А ты, мил-человек, кем будешь?

– Да я... как вам сказать? Ну... в общем, по бумажной части.

– Писарь, что ли?

– Да, что-то вроде писаря. Приносят мне всякие бумажки, а я их переписываю.

– Ну, что ж, – заключил он, – это дело хорошее. И людям польза, и себе.

Я посмотрел на деда. Глаза его блестели от выпитой водки, но были умными и добрыми.

– Это какая же польза себе?

– Так ить от людей мудрости набираться – вот тебе и польза.

– Это верно, конечно, – проговорил я, – только мудрости у меня что-то не прибавляется.

– Какую ж мудрость ты ищешь, мил-человек? – поинтересовался старик.

– Какую все... Ну, в общем, как жить... чтобы не было мучительно больно... за бесцельно прожитые годы.

– Так ить у каждого мудрость-то своя. Один живет силою, другой – богатством, третий – смекалкой, а иной человек через дурость свою счастье наживает.

– Это как же так? Ах, ну да! – догадался я. – Вы имеете в виду, что у дураков и счастье дурацкое?

– Ясное дело – дурацкое, – хитро улыбнулся дед, – потому как к дураку пристегнуто. Вот послушай, мил-человек, какую я тебе сказочку-то расскажу.

– Ну, понесло старого, – донеслось с лавки. – Он, батюшка, как чуток хлебнет, так завсегда бог весть что молоть начинает. До смерти может заморить своими байками.

– Нет-нет, что вы, – уверил я старуху, – мне очень интересно.

– А коли интересно, так слушай. А ты, бабка, не встревай, раз промеж мужиков разговор пошел, – отрезал старик.

Он помолчал, положил руки на стол, и мерцающий огонек коптилки слегка качнулся от знакомых с детства слов:

– В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, и было у него три сына. Двое умных, а третий – дурак. Старший сын к ратному делу прилепился, средний в грамоте толк разумел, и были они отцу опорой и первыми помощниками. А дурак все дни на печи валялся да клопов давил. И передавил он этих клопов видимо-невидимо, аж палец у него опух. И вот однажды лежит он на печи и ждет, когда какой клоп приползет, чтобы расправу над ним учинить. Только вдруг слышит – будто колокольца зазвенели. Завертел дурак головой, а откуда звон – в толк не возьмет. Так бы себе шею и своротил, кабы не окликнул его грозный голос: «Ты почто, дурак, моих людишек жизни лишаешь да по стенке размазываешь?!». Пригляделся дурак – видит: стоит у его головы карета, запряжена тараканом и двумя блохами, а в той карете – клоп. Ростом с вершок, брюшко в яхонтах, а на голове – корона царская.

Другой бы напужался, а дурак возьми да брякни: «А по тоя твоих людишек изводил и изводить буду, что окромя этого дела другому не обучен, а обучаться да мозгу свою набекрень кособочить не желаю!»

Как услышал клоп эти слова, так враз и уразумел, что наскоком да окриком дурака не возьмешь. И порешил он тогда с дураком уговор учинить. «Давай, – сказывает, – уговоримся: ты моих людишек не забижай, а я за то любые три твоих желания исполню». Поскреб дурак темя, призадумался – как бы не продешевить, да и согласился, только желания свои на потом поберег. Поведал клоп дураку слова волшебные, а напоследок сказал: «Только смотри, дурак, – ежели ты своего слова не сдержишь да хоть одного клопа изведешь – худо тебе будет. Постигнет тебя кара страшная, неминуемая». С тем и исчез, и более его дурак и не видел.

На ту пору захворал царь-батюшка. Собрал он своих сыновей и говорит: «Сыновья мои любезные! Смерть стоит на пороге, зовет в дорогу дальнюю. Пришел черед передать мне царствие свое в руки крепкие, надежные. Все вы мне любви-дороги, да земля наша дороже. Посему порешил я избрать наследника не по праву первородному, а по справедливости. Кто из вас самый сильный, смелый и смекалистый – тому и трон, и держава достанется».

И учинил он сыновьям своим испытание. Перво-наперво велел он им силушкой помериться, потому как на силе и власть держится. Стоял посередь царского двора камень саженный да на сажень в землю урытый. Вот и надумал царь поглядеть, кто из сыновей тот камень со двора скатит. Подошел старший сын, уперся плечом, поднатужился – а камень ни с места. Средний сын камень подкопал, оглоблю под него

сунул, налег всюю тяжестью – тот подается, а с места не сходит. Подошел черед дураку. Тот пошептал слова волшебные, поднял камень левой рукой, а правой через ворота и перекинул.

На другой день повелел царь-батюшка сыновьям отвагу свою испытать. Принесли на царский двор клеть дубовую и посадили в нее вепря дикого да голодного. Вот и надумал царь-батюшка поглядеть, кто из сыновей к тому вепрю войти осмелится да кто с лютым зверем долее пробудет. Вошел в клеть старший сын. Вепрь как вскочит да как налетит! Тот зверя промеж глаз кулаком – да только кулак себе покалечил. Средний сын изловил зайчишку серого, схоронил под одежей, а как к вепрю вошел – так и выпустил. Вепрь зайчишку загнал, изодрал, а там уж и на молодца кинулся. Дурак пошептал слова волшебные, вошел к вепрю, сел на него верхом и давай себе кататься да посмеиваться...

На третий день повелел царь сыновьям смекалкой померяться. Наметали на царском дворе три стога сена, а в каждом стогу по игле схоронили. Вот и надумал он поглядеть, кто из сыновей первым свою иглу сыщет. Старший сын решил травинку за травинкой тянуть, средний свой стог запалил да сел золы дожидаться, а дурак пошептал слова волшебные, сунул руку в сено, да и вытащил иглу.

Подивились братья, да делать нечего – одолел их дурак и в силе, и в отваге, и в смекалке. Подивился и царь-батюшка – никак не помышлял дурака наследником ставить, да

от слова своего царского отступаться не пожелал. Стал дурак наследником, а как батюшка помер – сел царствовать. Братья посетовали-пороптали, а потом пошли к дураку в услужение, потому как к земле родной прикипели и о благе ее радели. И царствовал дурак тридцать лет и три года и печали не ведал. Старший брат с дружиной – с ворогами бился, средний брат – о покое и достатке пекся, а дурак в сытости да важности на троне сидел – на людишек покрикивал да пировал с гостями заезжими. Только, сказывают, гости-то не часто наезжали, потому как клопов в царском тереме было столько, что ни в сказке сказать, ни пером описать.

Дед замолчал.

– И все? – удивился я.

– Что ж тебе еще надобно, мил-человек?

– Как – что? А где же тут намек, добрым молодцам урок и все такое?

– А никакого намека тут и нет.

– Странная какая-то сказка. Я таких и не слыхал...

– А я ить тебе, батюшка, сказывала, – донеслось с лавки, – у деда весь хмель языком выходит.

Наступила тишина. Бабка вычесывала шерсть, я обдумывал странную сказку, а старик лукаво на меня поглядывал и ухмылялся.

– И почему это, дедушка, во всех сказках дуракам так везет? – нарушил я молчание.

Дед как будто того и ждал.

– Так ведь дурак дураку рознь, – ответил он.

– Да, но ведь этот дурак из сказки – и вправду дурак.

– А вот выходит, что и нет.

Я недоуменно пожал плечами. Дед заулыбался.

– Что, не нравится сказочка-то моя?

– Нет, не нравится, – решительно ответил я.

– Ну, а для тех, кому не нравится, у меня другой конец припасен. Коль желаешь – изволь.

– Да-да, пожалуйста, – попросил я.

– Ну, так вот. Одолел это, значит, дурак братьев своих в испытании и порешил по дурости по своей, что он и вправду есть самый сильный, самый отважный и самый смекалистый. Как сел он царствовать, стал братьям своим указы писать – что да как делать надобно – да покрикивать на них с трона царского. Только братья теми указами печки топили, а сами делали – как разум велит. Видит дурак – не уверовали они в его силу да премудрость, и затаилась в нем злоба лютая. Почудилось дураку, что братья над ним насмеваются да на его трон зарятся. И повелел он их заточить в темницу, а сам стал править по-своему, по-дурацкому. И пошло все в том царстве вкривь да вкось: земля не родит, скотинадохнет, на дорогах лихие молодцы разгулялися – мужичковобирают. А тут еще вороги, завидя такое дело, собрали силы несметные и учинили набег – сорок деревень спалили да всех девок в полон увели.

Надумал тогда дурак за братьями на подмогу послать,

только вернулся гонец с вестью черною – померли братья в темнице без воды и хлеба. Напужался дурак, стал шептать слова волшебные, да только не было у него с клопом такого уговора, чтобы и четвертое желание в исполнение приводилось. Тогда повелел он своим слугам по всем углам искать клопа – ростом с вершок, брюшко в яхонтах, а на голове – корона царская. Ни с чем вернулись слуги. «Ну, коли царь-клоп не сыщется, так сам приползет», – молвил дурак и порешил было уже клопам смертоубийство учинить, да припомнил про кару страшную, неминуемую. Повелел он тогда всему люду честному ловить клопов да живьем в царский терем доставлять. Кто сорок клопов доставит – тому копейка. И набил дурак теми клопами все короба и сундуки, все кадушки да кузовки, все шкатулки да ларцы. Ждет-поджидает, когда серебряные колокольца зазвонят и царь-клоп в карете приедет просить за своих людишек. Только не едет царь-клоп. День прошел, другой, а на третий отворились в тереме все замки-замочки, крючки-крючочки, крышки да задвижки у коробов и сундуков, кадушек и кузовков, шкатулок и ларцов, повылазила клопов – туча черная. Налетели они на дурака да в один миг всю кровушку из него и вытянули. Тут и сказочке конец.

– Ну, вот это другое дело, – сказал я.

– Дед, а дед, – донеслось с лавки, – ты и впрямь гостя нашего заморить надумал?

Это было сказано очень кстати – после двух стопок потя-

нуло в сон. Я поблагодарил старика за сказку, мы выпили по последней, решили, что я лягу на лавке, и уж собирались вставать из-за стола, когда я спросил:

– Все-таки не могли бы вы мне сказать, далеко ли отсюда до станции? Мне завтра на работу, и я хотел бы поспеть на первую электричку.

– Ась? – переспросил старик.

– Я говорю...

Но договорить не успел. С улицы донесся чудовищный рев, в сенях в бешеном припадке забила собака, затем я всем телом ощутил три сильных толчка, будто по соседству со мной огромным молотом вбивали в землю тупую сваю.

– Свят-свят-свят, – залепетал дед, кинулся к двери и накинул на чугунную петлю массивный кованый крючок. Однако уже через несколько секунд, когда раздался треск ломаемого крыльца, оглушительно грохнула выбитая дверь в сени и Жучка залилась душераздирающим плачем, дед лез в сундук, стоявший в другом конце избы.

Я вскочил, ничего не понимая, и уставился на дверь. Последовал мощный удар. Ладно сбитые дубовые доски с треском сорвались с петель и крючка и плашмя грохнулись на пол. В дверном проеме, занимая все его пространство, стоял чудовищных размеров разъяренный медведь. Зверь переступил через порог, и я увидел, что у него нет левой задней лапы – вместо нее он опирался на нелепый протез – липовый пень. Пень был залит кровью, которая сочилась из об-

ширной раны. Издав оглушительный рев, медведь бросился вперед. Я опрокинул стол, вскочил на лавку, вышиб ногой оконную раму, выпрыгнул на огород, побежал через грядки, но споткнулся и полетел вниз.

* * *

Лишь только я открыл глаза, как тошнота подступила к горлу. Бешено вращаясь, на меня обрушивалось огромное серое небо, в котором единственными неподвижными точками были две белые птицы. Они висели в зените, кричали, отчаянно махая крыльями. Я лежал и смотрел на птиц: почему они не улетают? Вот уже прошла минута, другая, третья, а они – ни с места! Я приподнял голову, но тут же со стоном откинулся назад. Тупая ноющая боль в затылке заставила снова смежить веки. «Где я?» – сквозь боль пробилась первая тревожная мысль. Я протянул руку в сторону, нащупал что-то мягкое, сгреб пальцами и поднес к лицу. Сверху посыпались влажные комья земли. «Беда...» – пробилась вторая мысль.

Стиснув зубы, я чудовищными усилиями заставил себя приподняться и осмотрелся. Стояло пасмурное осеннее утро. В воздухе витал странный и вместе с тем до боли знакомый горьковатый запах. Я лежал посреди огорода в яме, напоминавшей воронку от взрыва снаряда. Рядом с тем местом, где покоилась моя голова, из земли выступал камень.

Коснувшись рукой затылка, я понял, что в волосах запеклась кровь.

Вид покосившейся избы с выбитым окном стал вызывать смутные воспоминания, которые, подобно изображению на фотобумаге, помещенной в проявитель, постепенно приобретали все более четкие контуры. Когда в сознании с достаточной полнотой восстановились события минувшего дня, я поразился их обилию и странности некоторых эпизодов. «Медведь на деревяшке... лапа... будет знать наперед, – выстраивались в мозгу обрывки логических связей, – липовый пень... Стоп! Бред какой-то. Что же там еще было? Ага – желто-бурый шар на тропе... поставили на окно студиться... А вот еще: дед, бабушка, внучка, Жучка... – Я оторопел. – Кошка... мышка, в конце концов! Чушь!» Я пощупал рукой разбитый затылок, посмотрел на торчавший из земли камень, окинул взглядом яму, в которой сидел, и обмер. Догадка, противоречившая здравому смыслу, заставила подняться на ноги. С огромным трудом выбравшись на поверхность, я обнаружил, что от края ямы к амбару тянется широкая колея; пошатываясь, побрел вдоль нее, открыл двери и остановился на пороге. В углу лежал гигантских размеров корнеплод, в который по самую рукоять был вогнан топор. «Что за идиотский спектакль?! Где вообще я нахожусь? Почему здесь нет электричества? Зачем старик в лаптях? – задохнулся я от навалившейся непостижимости всего того, что меня окружало и чему я был свидетелем. – К чему нужна эта

бутафория?» И тут я понял, что у меня есть еще один шанс. Подойдя к облепленной землей глыбе, я выдернул топор и, преодолевая боль в затылке, два раза – слева и справа – вонзил лезвие в упругую ткань, от чего глыба загудела. На пол вывалился маленький желтый кусочек. Трясущейся от слабости рукой я поднял его, понюхал и надкусил. Это была натуральная репа... Последний шанс лопнул.

«Итак, по всей видимости, мы имеем дело с какой-то удивительно мощной галлюцинацией, навеянной каждодневным чтением сказок собственной дочери, – заработал натренированный на службе аналитический аппарат. – Не вызывает сомнений, что фактором, вызвавшим такую галлюцинацию, явился тяжелый ушиб головы. – На всякий случай я еще раз потрогал разбитый затылок. – Расстроенная психика не только имитирует зрительные и вкусовые ощущения, но и создает образы во времени. Как иначе объяснить весь тот бред, который я прекрасно помню и который якобы имел место до того, как я ударился о камень? Да, – но если у меня галлюцинация, то интересно было бы узнать, где же я нахожусь на самом деле». Тут я, наконец, вспомнил о людях, встрепенулся – живы ли? – но сразу же успокоил себя тем, что они не более чем плод моего воображения. «Ну что ж, если галлюцинация продолжается, то у стариков бессмысленно что-то спрашивать, поскольку это все равно, что обращаться к самому себе. Впрочем, узнаю хотя бы, куда меня завел помутившийся рассудок». Придя к такому решению, я напра-

вился к избе.

То, что предстало моим глазам, заставило сначала подивиться богатству собственной фантазии, а затем усомниться в правильности только что сделанных выводов. Избу было невозможно узнать – все окна и двери выбиты, крыльцо разворочено, в сенях обрушился потолок, в полу зияли чудовищные проломы. Вся бревенчатая коробка дома сильно покосилась; из стены, обращенной к лесу, выкатились два бревна, и снаружи выло видно, что внутри не осталось ни одного целого предмета.

На чудом уцелевшей скамейке сидели старики. Бабка тихо плакала, поминутно прикладывая к глазам уголок платка. Дед с всклокоченной бородой молча смотрел в никуда. Вид у него был осунувшийся, лицо землистого цвета, глаза воспалены от бессонной ночи. У его ног лежал кусок рогожи, из-под которого торчали две лапы и собачий хвост. Неподдельное горе этих людей произвело такое сильное впечатление, что все предположения об окружавших меня фантомах ментально улетучились. Вдруг страшная мысль ударила в голову: «Девочка!»

– А где девочка?!

Старики подняли голову, и бабка запричитала в полный голос:

– Ой, батюшка, что же это теперь будет?.. Как жить-то?.. Вишь, что изверг с нами учинил?.. А все ты, старый дурак! – накинулась она на деда. – Жалостливый какой сис-

кался! Небось, кабы он тебя из сундука выволок – слезу бы не пустил! Ить это надо же, чего надумал – медведю лапу рубить! А наплел-то, наплел: «тащить тяжко, подносить надобно»... Вот теперича и подноси!..

– Где девочка? – перебил я ее.

– Да жива наша внучка, – проговорил старик. – На печи схоронилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.